

УДК 332.1+339.9

Регион: экономика и социология, 2020, № 4 (108), с. 202–234

И.П. Глазырина, Л.М. Фалейчик, А.А. Фалейчик

ИНВЕСТИЦИИ И ТРАНСГРАНИЧНАЯ КООПЕРАЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Данную статью можно рассматривать как продолжение идущей в научном сообществе дискуссии о том, какова роль институциональной трансформации на Дальнем Востоке после 2013 г. в развитии восточных территорий России, в контексте трансграничных экономических связей. Анализируется динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в том числе в разрезе основных отраслей. Рассматривается связь этой динамики с темпами экономического роста.

Расчеты показали, что корреляция между объемом ПИИ и скоростью экономического роста в регионах на Востоке России не наблюдается. Трансграничная кооперация в форме ПИИ в изучаемый период не внесла существенного вклада в диверсификацию экономики восточных регионов. В большинстве регионов основная часть этих инвестиций направлялась в минерально-сырьевой сектор. Доля ПИИ, направляемых в обрабатывающую промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговлю, деятельность гостиниц и ресторанов, индустрию развлечений, с 2015 г. составляла, как правило, не более 1% от общероссийских в соответствующих отраслях.

Нет оснований полагать, что к настоящему времени ПИИ, стимулы для которых призваны были создать на Дальнем Востоке новые институты, внесли существенный вклад в развитие современной высокотехнологичной экономики в восточных регионах. «Дальневосточная» институциональная трансформация не изменила «экстрактивного» характера экономических (и политических) институтов. Экономические преференции для востока страны в некоторой степени способствуют привлечению инвестиций, однако преимущественно только в условиях поддержки из федерального бюджета и государственных гарантий. Авторы полагают, что на первый план выходит задача постепенной трансформации

институтов в сторону повышения их «инклюзивности». Задача институционального проектирования в восточных регионах требует, помимо политической воли, значительного участия научного сообщества.

Ключевые слова: институциональная трансформация; трансграничная кооперация; прямые иностранные инвестиции (ПИИ); диверсификация экономики

Для цитирования: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 202–234. DOI: 10.15372/REG20200409.

ВВЕДЕНИЕ

Прошло совсем немного времени с 2013 г., после того как, по выражению П.А. Минакира, «на Дальний Восток обрушилась лавина институциональных новаций» [12, с. 9]. Однако наблюдаемые последствия уже вызвали неоднозначную оценку. В научной литературе представлены разные, иногда полярные мнения по поводу перспектив этой институциональной трансформации. В отличие от оптимистических утверждений, преимущественно исходивших от официальных органов разных уровней, а также от компаний, в научных статьях оценка достигнутых результатов в лучшем случае осторожная. Невзирая на это, некоторые исследователи смотрят на будущее таких инициатив с оптимизмом. Другие выражают серьезную тревогу или даже скептицизм относительно возможности достичь до декларируемых целей с теми инструментами, которые предлагаются в программах и стратегиях [6; 11; 14; и др.]. С одной стороны, высказывается мнение, что территории опережающего развития (ТОР/ТОСЭР) могут стать «опорным каркасом процесса новой индустриализации» [8, с. 76] и крупные высокотехнологичные предприятия, создаваемые с помощью государства, станут драйвером развития. С другой стороны, предъявляются довольно убедительные аргументы в пользу утверждений о неоднозначной роли ТОРов и других «дальневосточных» инструментов в перспективах развития экономики востока страны [6; и др.].

В статье П.А. Минакира и О.М. Прокапало [13] высказывается мнение, что в данной ситуации более значимым, чем инвестиционная поддержка, является фактор качества институтов. В этой работе новый режим управления характеризуется как совокупность «экстрактивных»¹ институтов.

Убедительные аргументы в пользу «экстрактивности» новых институтов представлены в работе Н.Е. Антоновой и Н.В. Ломакиной [23]. Там не только показано, что главный поток инвестиций направляется в ресурсные проекты, но и приведено довольно тонкое наблюдение в некотором смысле обратного процесса: новые институциональные инструменты развиваются и постепенно модифицируются в интересах крупных сырьевых компаний. Ясно, что это вряд ли способствует диверсификации экономики. Однако на этот счет тоже нет единой оценки: поскольку на востоке сырьевая специализация сложилась исторически, может быть, нет необходимости в диверсификации?

Так или иначе, дискуссия по поводу «дальневосточной институциональной трансформации» продолжается. Настоящая работа представляет собой попытку внести вклад в эту дискуссию: какова роль данной трансформации в контексте трансграничных экономических связей и каковы ее последствия для основных отраслей?

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Одна из основных целей институциональных новаций состояла в создании благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций – была надежда, что в большей степени, чем раньше, будут реализованы преимущества географического положения для

¹ К *экстрактивным* относятся институты, ориентированные на извлечение экономической или политической ренты и перераспределение ее в интересах элит – небольших групп, обладающих экономической и/или политической властью. Они противопоставляются *инклюзивным* институтам, которые обеспечивают благоприятные условия для производительной деятельности и роста ее эффективности в интересах большинства граждан [15; 22].

экономических связей с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в соответствии с объявленным «поворотом на Восток». Но эти ожидания оправдались лишь в незначительной степени. Объемы поступивших инвестиций действительно выросли, но большая часть их направляется в сырьевые проекты, реализация которых не оказывает существенного влияния на структуру экономики и на рост благосостояния жителей макрорегиона² (см. также [2]).

Тем не менее поток инвестиций не может не влиять на экономический рост, и в данном разделе мы попытаемся охарактеризовать это влияние и его проявление в субъектах РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ³ (см. также [4]) и Байкальский регион. Мы анализировали соотношение между суммарными объемами подушевых инвестиций в основной капитал (ОК), поступивших в рассматриваемые регионы за 2005–2018 гг., и подушевым ВРП за 2018 г. в ценах 2005 г. Рисунок 1 ожидаемо демонстрирует наличие положительной корреляции между этими показателями, однако это не может быть доказательством причинно-следственной связи между первым и вторым. Не исключено, что регионы с большим ВРП уже в начале рассматриваемого периода оказывались более привлекательными для инвесторов в силу различных обстоятельств (ресурсная база, инфраструктура, количество и качество трудовых ресурсов и др.) [9].

Кроме того, из этого нельзя сделать однозначный вывод о влиянии инвестиционных потоков на прирост ВРП, т.е. на скорость экономического роста. Эти сомнения в некоторой степени подтверждает рис. 2, который показывает соотношение между накопленными за 2005–2018 гг. объемами подушевых инвестиций и приростом по-

² См.: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов» // ЭКО. – 2019. – № 5. – С. 48–65. DOI: 10.30680/есо0131-7652-2019-5-48-65; Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Пространственная дифференциация чистых доходов и проблемы сохранения населения в приграничных регионах на востоке России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2020. – Т. 84, № 3. – С. 341–358. DOI: 10.31857/S2587556620030152.

³ С 2018 г. в состав ДФО включены Забайкальский край и Республика Бурятия.

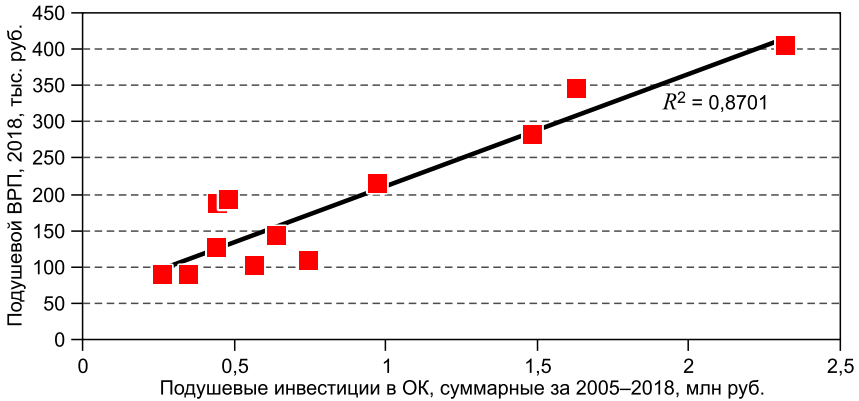

Рис. 1. Регрессионная связь суммарных объемов подушевых инвестиций в основной капитал, поступивших за 2005–2018 гг., и подушевого ВРП за 2018 г. в ценах 2005 г.

душевого ВРП за этот период: в данном случае корреляция между названными показателями значительно слабее.

Рисунок 3 позволяет оценить, как изменились инвестиционные потоки на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе с 2011 по 2018 г.,

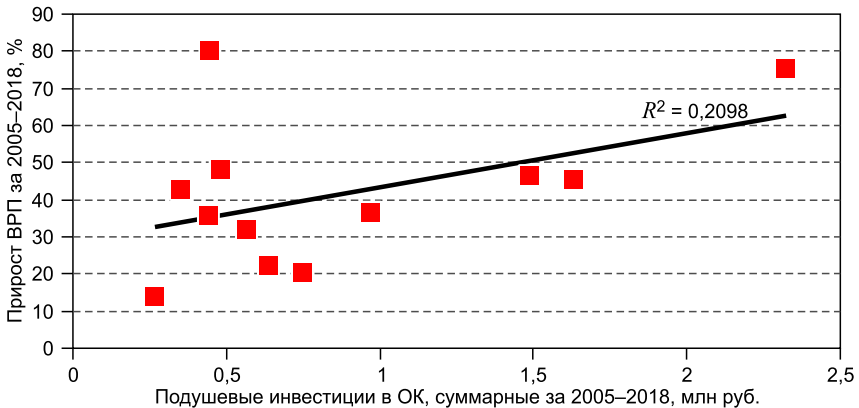

Рис. 2. Регрессионная связь суммарных объемов подушевых инвестиций в основной капитал, поступивших за 2005–2018 гг., в ценах 2005 г. и прироста ВРП за тот же период, % к 2005 г.

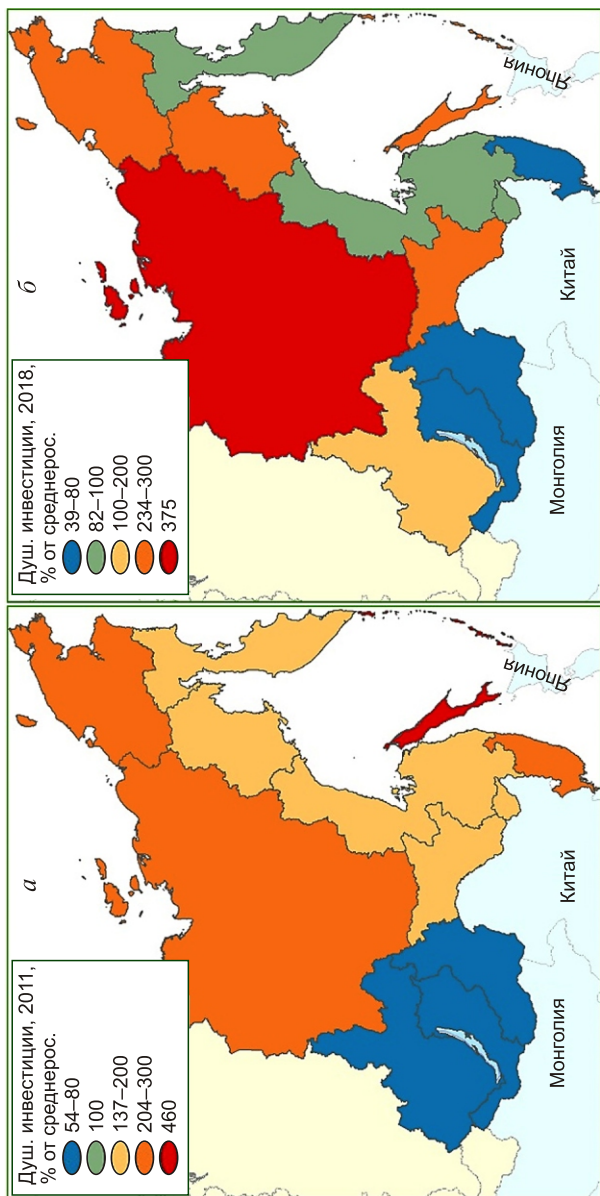

Рис. 3. Полушевые объемы инвестиций в основной капитал в 2011 г. (а) и 2018 г. (б), % к среднероссийскому значению

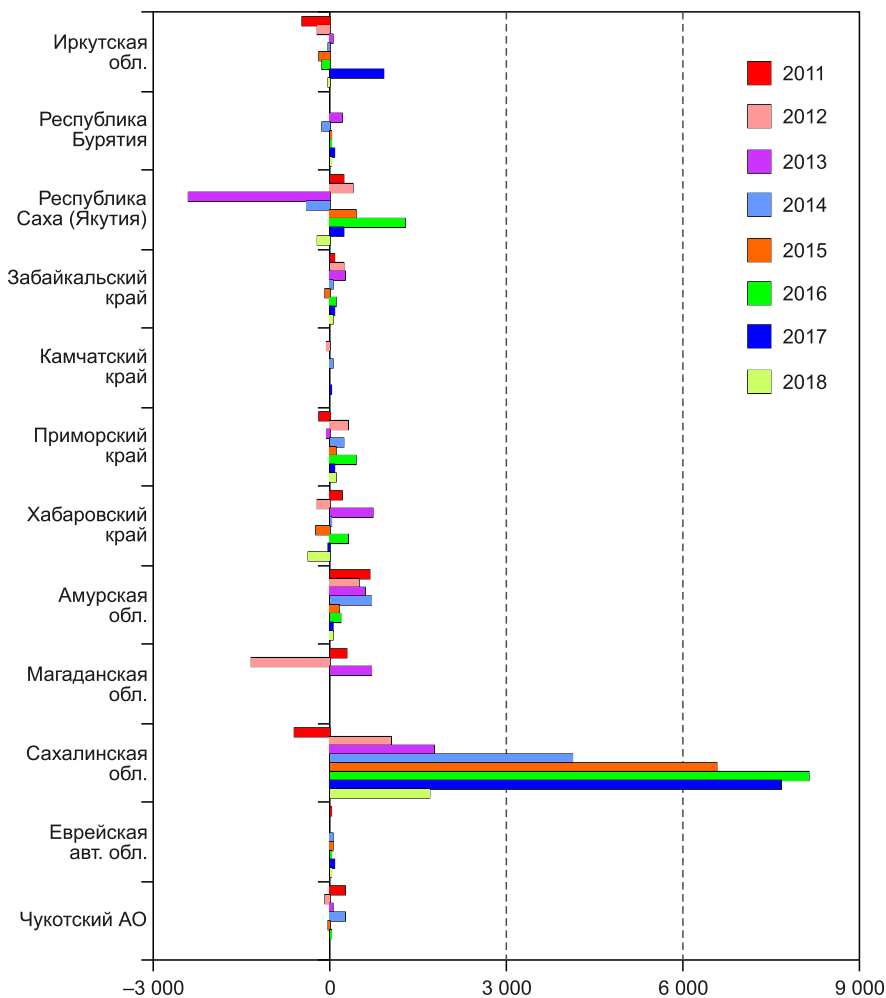

Рис. 4. Поступление прямых иностранных инвестиций в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона в 2011–2018 гг., сальдо, млн долл. США
 Данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов: «+» означает превышение активов над обязательствами, «-» означает превышение обязательств над активами

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ

и сравнить их со среднероссийским уровнем. Очевидно, что однозначный вывод о более интенсивных инвестиционных процессах в восточных регионах страны, чем в среднем в России, мы сделать не можем. Хотя объем суммарных инвестиций на душу населения, поступивших с 2011 по 2018 г., в ДФО в 1,7 раза превышает среднероссийский [2].

Напомним, что одной из основных целей институциональных новаций декларировалось создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, с тем чтобы более эффективно реализовать преимущества географического положения восточных регионов и развивать более тесную экономическую интеграцию со странами АТР. На рисунке 4 представлена динамика поступлений (сальдо) прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за период 2011–2018 гг. Прежде всего стоит отметить, что подавляющая часть этих инвестиционных потоков досталась нефтегазовому сектору Сахалинской области (преимущественно в форме участия в основном капитале) [18]. Вряд ли можно утверждать, что динамика ПИИ за этот период во всех регионах была однозначно положительной. «Новые» дальневосточные регионы – Бурятия и Забайкалье, которые практически не были охвачены институциональными новациями, не отличаются в отношении ПИИ ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Нас интересовал вопрос о возможной роли ПИИ в рассматриваемых регионах в период нестабильности после 2014 г., когда экономика России испытывала воздействие сразу нескольких экономических шоков, которые могли влиять разнонаправленно на различные отрасли⁴. Для того чтобы учесть временной лаг, был рассмотрен период инвестирования с 2011 г. Среднедушевой объем поступивших ПИИ на Дальнем Востоке в этот период практически был равен среднероссийскому [2]. Как показывает рис. 5, соотношение между объемом поступивших за 2011–2018 гг. ПИИ и экономическим ростом (приростом ВРП) выглядит почти парадоксально. Положительный, но небольшой (3,4%) прирост ВРП произошел в Сахалинской области, где суммарный объем ПИИ практически на порядок выше, чем в дру-

⁴ Например, снижение курса рубля увеличивало доходы экспортеров сырья и одновременно повышало издержки импортозависимых производств.

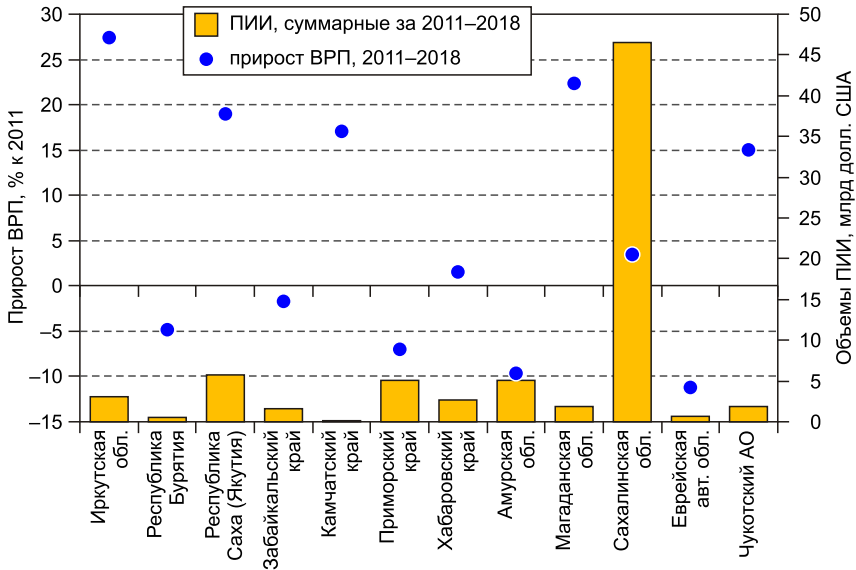

Рис. 5. Суммарные объемы прямых иностранных инвестиций, поступивших в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона за 2011–2018 гг., млрд долл. США, и прирост ВРП за тот же период, % к 2011 г.

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ и Росстата

гих регионах. Иркутская и Магаданская области, где объемы поступивших ПИИ можно оценить как средние, имеют самый высокий прирост ВРП (27,3 и 22,3% соответственно). В то же время в Амурской области при сопоставимом с показателями этих регионов объеме поступивших ПИИ наблюдалось существенное снижение ВРП (–9,7%).

Невысокий прирост ВРП на Сахалине можно объяснить снижением мировых цен на нефть в рассматриваемый период. Одновременно это свидетельствует о том, что значительный многолетний поток ПИИ в данный регион не стал основой для развития на этой территории диверсифицированной экономики, устойчивой к внешним шокам. Поэтому вряд ли можно говорить о существенном мультипликативном эффекте от развития мощного нефтегазового сектора. В одной из недавних работ [2] показано, что аналогичное заключение

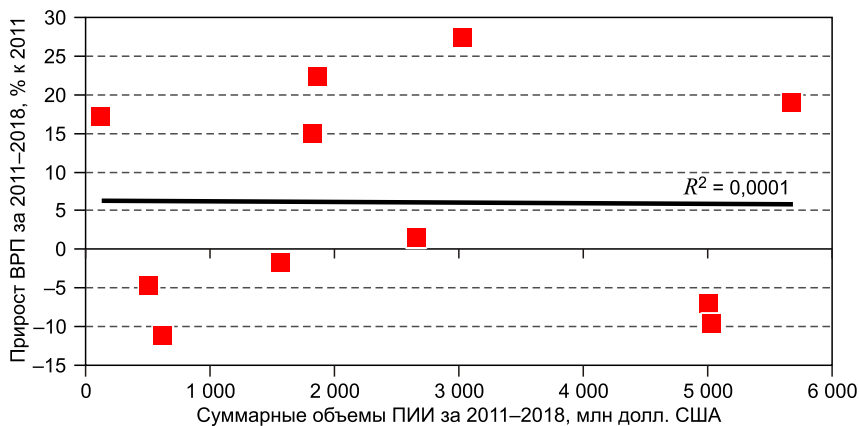

Рис. 6. Регрессионная связь суммарных объемов прямых иностранных инвестиций, поступивших в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона (за исключением Сахалинской области) за 2011–2018 гг., и прироста ВРП за тот же период

Данные без учета изъятия прямых инвестиций

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ и Росстата

мы можем сделать в отношении качества жизни по показателю доли жилого фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства. Приток инвестиций стимулирует увеличение поступлений в региональный бюджет и создает дополнительные возможности для бюджетных инвестиций. Как отмечается в работе [17], в Сахалинской области объем бюджетных инвестиций в период 2010–2016 гг. составлял 25–35% ВРП. По сравнению с другими регионами показатель довольно высокий, однако это лишь доли процента от общих инвестиционных потоков. Можно говорить об активизации в последние годы инвестиционных инициатив в гостиничном бизнесе, развитии спорта, туризма и отдыха в рамках новой ТОР «Горный воздух», где на 01.01.2020 представлено уже 24 резидента и поступило более 9 млрд руб. инвестиций⁵. Однако результаты этой деятельности можно будет увидеть только через несколько лет.

⁵ URL: <http://investinsakhalin.ru/ru/ploshchadki/toser/>.

Если же мы исключим из рассмотрения Сахалинскую область (поскольку рост в остальных регионах в гораздо меньшей степени зависит от экспорта и цен на нефть) и попытаемся выявить соотношение между инвестиционными потоками и экономическим ростом, то увидим, что корреляция этих процессов практически отсутствует (рис. 6).

ГЕОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ ИНВЕСТИЦИЙ

Еще одно обстоятельство, которое важно отметить, – то, что страны Азиатско-Тихоокеанского региона формально уже не являются главными источниками потоков ПИИ. Д.А. Изотов в работе [7] приходит к выводу, что в 2015–2017 гг. «основным источником поступивших ПИИ на Дальний Восток (расчеты проведены для девяти «старых» регионов ДФО. – *Авт.*) стали являться офшорные территории, что может быть вызвано опасением корпоративного сектора пострадать от санкционных ограничений и необходимостью минимизировать прочие риски и издержки» [7, с. 151]. Автор не исключает, что по этой причине снизилась доля инвестиций из Японии, Кореи и некоторых европейских стран. Есть основание предполагать, что значительную долю составляют «фиктивные» ПИИ, т.е. ранее выведенные из России средства зарубежных компаний, конечными бенефициарами которых являются российские граждане. Таблица 1 показывает, что для Дальнего Востока и Байкальского региона офшорные инвестиции являются доминирующими, и к 2020 г. Китай, который принято считать инвестиционным донором Дальнего Востока, стал занимать довольно скромное место (0,7%).

При более детальном рассмотрении в разрезе регионов мы видим, что в большинстве из них доля ПИИ, поступивших из КНР, заметнее, но все же она незначительна (табл. 2). Исключением стал Забайкальский край, где в последние годы этот показатель вырос и в 2018 г. достиг 73,2%. Большая часть этих средств была инвестирована в строительство Амазарского целлюлозного завода, который, по мнению многих экспертов, является одним из самых экономически

Таблица 1

Распределение прямых иностранных инвестиций, поступивших в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона: остатки по субъектам РФ и странам-партнерам, всего, млн долл. США (по состоянию на дату)

Страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020
Кипр	2 531,40	2 220,02	2 713,69	3 288,50	3 531,05	4 800,86
КНР	271,47	695,23	147,29	494,48	494,49	567,22
Республика Корея	160,68	167,15	243,14	137,81	207,65	212,71
Соединенное Королевство	297,14	184,87	262,02	11,72	12,10	0,30
США	25,10	13,34	55,69	49,65	48,88	39,97
Нидерланды	0,01	0,01	485,54	631,18	624,76	663,60
Япония	51,33	57,37	96,10	116,42	119,17	186,43
Офшоры	35 518,58	34 629,63	54 751,69	56 442,94	68 107,98	62 880,26
В том числе:						
Британские Виргинские острова	241,91	205,87	202,44	109,12	-2,62	8,75
Бермуды	14 443,05	13 177,44	21 231,5	30 743,91	29 232,51	36 939,32
Багамы	20 827,61	21 226,87	33 298,41	25 570,57	38 858,76	25 862,45
Джерси	4,07	4,10	3,98	3,98	3,98	69,74
Панама	1,80	15,21	15,22	15,22	15,21	–
Не распределено по странам	3 693,02	3 089,39	4 508,44	4 390,88	4 917,03	5 909,82
Всего по субъектам ДФО и Байкальского региона	42 600,16	40 371,64	63 402,87	65 797,39	79 605,41	77 135,66

Примечание: категория «не распределено по странам» включает конфиденциальные данные.

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ.

Таблица 2

**Географическое распределение прямых иностранных инвестиций
в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона, всего,
% (по состоянию на начало года)**

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Амурская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	61,9	70,2	63,3	80,3	86,1	64,4
КНР	2,7	5,5	6,1	5,2	7,6	6,8
Соединенное Королевство	28,4	19,5	25,3	0,0	0,0	0,0
Международные организации и институты	6,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	1,1	0,9	1,3	1,1
Не распределено по странам	0,5	4,8	4,1	13,5	5,0	27,6
Забайкальский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	22,4	8,0	9,3	12,6	54,4	63,5
КНР	50,7	0,4	0,8	73,2	39,4	32,5
Соединенное Королевство	5,0	2,8	2,9	2,4	1,1	0,0
США	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
Британские Виргинские острова	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5	0,4
Республики бывшего СССР	0,0	0,1	0,3	0,3	0,1	0,1
Не распределено по странам	21,7	88,5	86,5	11,4	4,4	3,5
Республика Бурятия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	76,3	0,0	0,0	0,0	0,0	89,5
КНР	0,0	0,0	12,3	12,8	6,5	6,1
Республика Корея	3,8	2,9	1,8	1,2	1,0	0,8
Монголия	0,0	0,0	1,5	1,0	0,7	0,6
Республики бывшего СССР	0,1	0,0	2,6	1,7	1,3	1,2
Не распределено по странам	19,6	96,9	80,5	82,6	89,8	1,2
Еврейская авт. обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Израиль	0,1	0,0	0,3	0,5	0,4	0,3
Кипр	0,0	0,0	0,0	0,0	32,7	0,0

Продолжение табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
КНР	22,2	23,0	9,2	14,0	8,3	4,3
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,2	0,4	0,3	0,2
Не распределено по странам	77,7	76,9	90,2	85,0	58,3	95,1
Камчатский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Британские Виргинские острова	0,3	0,4	0,1	0,1	0,1	0,0
Гонконг	0,2	0,3	0,1	0,0	0,1	0,2
КНР	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1
Румыния	0,4	0,5	0,1	0,1	0,1	0,0
США	3,1	4,1	0,8	0,7	0,8	0,1
Украина	0,1	0,1	0,3	0,3	0,3	0,3
Япония	26,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,2	0,6	0,7	0,6	0,6	0,5
Не распределено по странам	68,7	93,2	98,1	98,3	98,1	99,3
Магаданская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
США	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-26,7
Бермуды	0,0	0,0	0,0	0,0	60,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
Не распределено по странам	100,0	100,0	99,9	99,9	39,5	123,1
Приморский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Австралия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Британские Виргинские острова	5,3	4,3	3,0	-1,3	-0,4	0,1
Вьетнам	0,3	0,2	0,3	0,4	0,2	0,1
Гонконг	1,6	1,2	6,8	9,8	5,2	4,3
Джерси	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2	0,0
Кипр	31,8	41,3	31,3	49,0	51,7	52,1
КНР	-0,1	-3,8	0,8	0,1	-1,5	-1,2

Продолжение табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Корея	8,9	7,9	8,3	4,5	5,9	5,3
Международные организации и институты	0,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сингапур	0,2	0,2	0,0	0,2	2,1	2,7
Швейцария	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0
Нидерланды	0,0	0,0	0,9	0,0	0,0	0,0
Новая Зеландия	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0
США	0,0	0,0	0,8	0,8	0,5	0,4
Япония	3,1	4,6	4,3	7,0	4,7	5,2
Республики бывшего СССР	0,0	0,1	0,8	0,7	0,6	0,5
Не распределено по странам	47,2	43,4	42,3	27,8	30,6	30,5
Республика Саха (Якутия)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Кипр	12,4	2,1	0,2	0,1	0,0	3,1
Китай	0,0	0,0	-0,3	0,1	0,1	0,1
Нидерланды	0,0	0,0	3,9	3,9	4,0	4,8
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,7	0,6	0,5	0,5
Не распределено по странам	87,6	97,9	95,4	95,3	95,4	91,6
Сахалинская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Багамы	57,7	60,4	59,8	44,4	56,1	40,4
Бермуды	40,0	37,5	38,2	53,4	42,2	57,7
Кипр	0,8	0,7	0,2	0,2	0,1	0,2
КНР	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республика Корея	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Нидерланды	0,0	0,0	0,7	0,9	0,8	0,9
США	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Япония	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республики бывшего СССР	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Не распределено по странам	1,3	1,3	1,0	0,9	0,7	0,7

Продолжение табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Хабаровский край	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Бельгия	0,4	0,6	0,3	0,3	0,4	0,0
Британские Виргинские острова	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3	0,0
Германия	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0
Гонконг	0,3	0,4	0,2	0,2	0,3	0,0
Кипр	98,2	101,2	103,1	96,3	92,5	125,2
Китай	3,7	5,0	2,4	1,6	2,2	2,7
Республика Корея	4,9	8,5	3,5	3,6	5,0	2,2
Латвия	0,1	0,1	0,1	0,2	1,1	0,0
Панама	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2	0,0
Сингапур	-2,7	-4,4	-2,3	-2,6	-3,6	-4,7
США	0,2	0,1	0,6	0,7	1,5	0,0
Япония	0,1	0,2	0,1	0,1	0,3	2,4
Республики бывшего СССР	0,1	0,2	0,1	0,3	1,1	0,0
Не распределено по странам	-6,0	-12,6	-8,4	-0,9	-0,5	-27,7
Чукотский АО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Британские Виргинские острова	47,8	51,3	44,7	44,1	0,0	0,0
Джерси	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	18,7
Не распределено по странам	52,2	48,7	55,3	55,9	100,0	81,3
Иркутская обл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Белиз	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Германия	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0
Гонконг	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Испания	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Кипр	45,9	51,7	45,1	38,0	23,7	19,9
Китай	0,0	0,1	0,1	0,0	0,4	0,0

Окончание табл. 2

Субъект РФ / страна прямого инвестора (прямого инвестирования)	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Корея	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
Панама	0,0	2,8	2,5	2,0	1,4	0,0
Швейцария	0,5	0,6	2,7	2,6	1,8	0,0
Швеция	0,0	0,0	0,4	0,4	0,3	0,2
Республики бывшего СССР	0,6	0,9	0,8	0,6	0,4	0,0
Не распределено по странам	52,8	43,8	48,2	56,2	71,6	79,7

Примечания: 1) категория «не распределено по странам» включает конфиденциальные данные; 2) отрицательные величины долей означают отток капитала.

Источник: рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ.

сомнительных и экологически опасных проектов⁶, включенных в орбиту мегапроекта «Один пояс – один путь» [3]. В 2019 г. он был изъят из российского Перечня приоритетных инвестиционных проектов, где присутствовал много лет, несмотря на постоянную критику со стороны научного сообщества и экологических организаций⁷. Его экономическая несостоятельность в конечном итоге привела к скандалу при попытке продажи на бирже Гонконга⁸. Таким образом, значительные инвестиции из КНР в Забайкальском крае вряд ли можно рассматривать как успешные в контексте трансграничной кооперации.

Относительно высокая доля прямых инвестиций из КНР зафиксирована в Еврейской автономной области, где в 2015–2016 гг. она превышала 22%. Основная часть этих средств направлялась в добычу полезных ископаемых и операции с недвижимым имуществом. Вызывает удивление, что в отчетности Центрального банка РФ не отме-

⁶ URL: http://www.transrivers.org/pdf/20200429CSO%20Statement_on_High_Quality_Projects.pdf.

⁷ URL: www.wwf.ru/resources/news/article/11353.

⁸ См.: *The buyers of the Amazar Pulp Mill acknowledged that they misinformed the Hong Kong Stock Exchange.* – URL: <http://www.transrivers.org/2019/2892/>.

чены инвестиции в сельское хозяйство региона (см. далее табл. 3). Хотя известно, что там находятся предприятия, выращивающие сою для последующего экспорта в Китай, и в этом регионе китайские инвесторы арендуют около 30% от общего количества посевных площадей. Китайские предприниматели арендуют примерно 500 га земли на Дальнем Востоке, кроме Еврейской автономной области еще в Хабаровском крае и Амурской области [1; 18; 19], где доля ПИИ из Китая составляла от 1,6 до 7,6% в разные годы.

КУДА ПРИХОДЯТ ИНВЕСТИЦИИ?

Отраслевые показатели прямых иностранных инвестиций по субъектам РФ в Дальневосточном федеральном округе и Байкальском регионе представлены в табл. 3. Почти везде доминирующей в инвестиционном плане сферой является добыча полезных ископаемых. Данные табл. 3 позволяют также оценить место, которое занимают ПИИ в различных отраслях экономики этих регионов по отношению к ПИИ в России. Заметный объем иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность мы видим в Приморском крае и Иркутской области. В обоих случаях высокая доля ПИИ в обрабатывающую промышленность приходится на Кипр и на категорию не распределенных по странам (см. табл. 2), что дает основания для предположения, что часть из них – это «фиктивные» инвестиции. В остальных регионах иностранные вложения в развитие обрабатывающих производств незначительны или отсутствуют.

Несмотря на приграничное положение южных регионов на востоке страны, ПИИ в деятельность гостиниц и ресторанов, которые могли бы способствовать развитию международного туризма, отмечаются только в Приморском и Хабаровском краях, причем в очень незначительных масштабах. В 2016–2018 гг. вывод средств в этом секторе превысил приток инвестиций, хотя в предыдущие три года их объем превышал 10% от общероссийского. Объемы ПИИ в области культуры, досуга и развлечений несколько выше, но они также сокращаются.

Таблица 3

**Прямые инвестиции в экономику Российской Федерации:
остатки по видам экономической деятельности по субъектам РФ
Дальнего Востока и Байкальского региона, всего, млн долл. США
(по состоянию на начало года)**

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство, всего по РФ	1 442,6	1 347,0	1 236,6	1 135,9	1 220,3	1 499,1
Амурская обл.	–	–	3,3	2,6	3,5	3,8
Забайкальский край	–	–	18,0	19,5	18,8	18,2
Иркутская обл.	–	–	1,1	1,2	1,1	1,1
Приморский край	110,1	79,8	118,8	99,1	71,2	22,3
Хабаровский край	–37,7	0,6	61,4	57,5	22,3	41,8
<i>Всего по группе</i>	<i>72,4</i>	<i>80,4</i>	<i>202,5</i>	<i>179,9</i>	<i>116,9</i>	<i>87,3</i>
Не распределено по регионам РФ	689,7	623,1	550,7	537,9	550,2	684,3
Добыча полезных ископаемых, всего по РФ	67 353,1	72 706,6	103 765,2	114 970,5	125 505,3	132 230,3
Амурская обл.	59,3	63,4	410,7	–	–	303,6
Еврейская авт. обл.	–	–	85,1	–62,8	36,4	71,7
Забайкальский край	170,3	110,2	82,4	100,2	678,0	1 135,8
Иркутская обл.	232,0	42,6	246,2	73,3	652,9	907,1
Магаданская обл.	–	16,7	3,0	3,2	2,6	2,9
Приморский край	–	–	12,2	10,4	54,6	89,3
Республика Бурятия	–	–	–	–	–	267,5
Республика Саха (Якутия)	1 351,6	89,8	765,1	1 031,0	2 155,8	1 399,1
Сахалинская обл.	35 389,5	34 501,8	54 615,0	56 399,8	68 154,2	62 851,9
Хабаровский край	154,0	167,5	418,1	435,5	–	38,3

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Чукотский АО	–	–	37,5	25,3	2,7	220,2
<i>Всего по группе</i>	<i>37 356,5</i>	<i>34 992,0</i>	<i>56 675,1</i>	<i>58 015,9</i>	<i>71 737,0</i>	<i>67 287,4</i>
Не распределено по регионам РФ	3 780,3	5 253,0	29 586,6	18 304,3	44 481,8	8 677,2
Обработывающие производства, всего по РФ	77 450,5	71 792,3	97 312,3	110 089,2	100 067,8	115 327,2
Амурская обл.	–	–	–	30,1	–	–
Забайкальский край	–	–	–	–	–	–
Иркутская обл.	119,0	134,4	134,0	186,4	164,6	286,0
Приморский край	144,9	107,9	187,3	189,7	187,7	226,1
Республика Саха (Якутия)	–	68,2	35,2	16,1	15,9	19,7
Сахалинская обл.	–	–	19,2	18,4	17,9	18,0
Хабаровский край	–	–	21,2	–	–	–
<i>Всего по группе</i>	<i>263,9</i>	<i>310,6</i>	<i>396,8</i>	<i>440,6</i>	<i>386,1</i>	<i>549,7</i>
Не распределено по регионам	30 037,5	29 608,6	41 749,5	49 914,5	46 278,1	51 327,9
Строительство, всего по РФ	10 722,7	9 144,6	2 515,1	4 707,1	4 377,6	3 781,6
Амурская обл.	1,3	11,3	11,1	11,8	11,3	11,4
Забайкальский край	–	–	–	–	–	4,7
Приморский край	39,7	55,8	77,1	11,5	34,9	44,6
Республика Бурятия	8,7	9,7	9,9	9,9	9,9	9,9
Сахалинская обл.	4,3	3,6	7,0	6,9	6,4	6,2
Хабаровский край	14,5	14,5	5,0	6,2	14,7	14,7
<i>Всего по группе</i>	<i>68,5</i>	<i>95,0</i>	<i>110,1</i>	<i>46,4</i>	<i>77,2</i>	<i>91,5</i>
Не распределено по регионам	342,5	150,7	212,0	312,2	382,7	360,8

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Торговля оптовая и розничная; ремонт ав- тотранспортных средств и мотоциклов, всего по РФ	62 715,9	64 801,1	77 238,0	83 627,4	81 530,2	88 899,9
Амурская обл.	–	–	–	0,3	0,2	2,9
Иркутская обл.	3,3	1,5	0,5	0,6	0,5	0,5
Приморский край	–17,7	–53,5	–35,5	–739,1	–36,2	69,6
Республика Бурятия	–	–	0,4	0,4	–	–
Сахалинская обл.	5,6	16,6	37,7	27,5	20,6	31,4
Хабаровский край	32,0	–5,6	7,7	9,2	26,3	41,2
<i>Всего по группе</i>	<i>23,1</i>	<i>–41,1</i>	<i>10,8</i>	<i>–701,2</i>	<i>11,5</i>	<i>145,7</i>
Не распределено по регионам	13 924,5	16 637,8	21 992,3	28 414,1	30 463,5	25 152,5
Транспортировка и хранение, всего по РФ	5 521,6	5 298,0	14 068,8	17 850,1	16 821,0	17 341,2
Приморский край	7,9	343,9	393,0	590,5	683,8	1 324,4
Сахалинская обл.	54,8	45,3	–	69,9	61,2	2,7
Хабаровский край	48,0	44,7	59,5	79,2	82,9	131,2
<i>Всего по группе</i>	<i>110,6</i>	<i>433,9</i>	<i>452,5</i>	<i>739,5</i>	<i>827,9</i>	<i>1 458,3</i>
Не распределено по регионам	726,7	497,4	813,6	830,9	7 084,1	8 725,8
Деятельность гости- ниц и предприятий об- щественного питания, всего по РФ	608,0	578,8	643,4	800,4	679,7	1 174,2
Приморский край	–	–	–	2,4	2,4	2,5
Хабаровский край	–	–	–	–	–	0,8
<i>Всего по группе</i>	<i>–</i>	<i>–</i>	<i>–</i>	<i>2,4</i>	<i>2,4</i>	<i>3,3</i>

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Не распределено по регионам	67,8	66,2	77,0	-67,8	-81,9	-116,8
Деятельность фи- нансовая и страховая, всего по РФ	62 313,0	51 312,0	68 099,0	76 974,9	60 132,3	97 993,1
Амурская обл.	463,9	-	-	-	-	-
Камчатский край	13,7	-	-	-	-	-
Приморский край	16,4	36,2	125,0	151,4	164,5	-
<i>Всего по группе</i>	<i>494,0</i>	<i>36,2</i>	<i>125,0</i>	<i>151,4</i>	<i>164,5</i>	-
Не распределено по регионам	691,0	2 503,4	2 740,1	3 516,4	3 242,0	29 850,4
Деятельность по опе- рациям с недвижимым имуществом, всего по РФ	13 223,4	11 446,9	30 864,1	34 073,3	29 432,9	33 818,2
Амурская обл.	28,8	42,4	61,9	66,5	56,1	63,0
Еврейская авт. обл.	0,4	0,9	7,6	12,2	10,2	11,4
Забайкальский край	2,7	2,2	4,2	4,4	3,7	4,1
Иркутская обл.	4,6	4,1	-	-	0,9	0,7
Камчатский край	3,8	3,1	1,7	1,8	1,5	1,6
Магаданская обл.	0,6	0,5	-	-	-	-1,8
Приморский край	35,8	29,4	65,8	71,8	60,3	70,8
Республика Бурятия	1,6	1,2	24,0	25,3	21,0	23,0
Республика Саха (Якутия)	1,8	1,3	15,3	16,2	13,4	15,1
Сахалинская обл.	3,4	2,6	74,2	78,1	65,2	73,1
Хабаровский край	22,0	17,6	-	-	-	20,0
<i>Всего по группе</i>	<i>105,3</i>	<i>105,1</i>	<i>254,6</i>	<i>276,3</i>	<i>232,2</i>	<i>281,0</i>
Не распределено по регионам	484,2	622,2	674,6	961,0	918,7	449,7

Продолжение табл. 3

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Деятельность профес- сиональная, научная и тех- ническая, всего по РФ	1 404,2	1 190,3	1 749,3	48 593,3	41 619,6	55 994,2
Амурская обл.	–	–	–	194,3	137,0	180,3
Забайкальский край	–	–	–	23,8	21,4	1,1
Иркутская обл.	–	–	–	14,1	16,3	18,6
Магаданская обл.	–	–	–	5,4	6,7	5,5
Приморский край	–	–	–	–	–	2,2
Республика Саха (Якутия)	–	–	–	–	–	74,5
Сахалинская обл.	–	–	–	893,6	893,2	893,5
Хабаровский край	–	–	–	48,6	17,7	77,0
<i>Всего по группе</i>	–	–	–	<i>1 180,0</i>	<i>1 092,1</i>	<i>1 252,6</i>
Не распределено по регионам	25,7	1 090,0	1 749,3	1 540,6	950,6	1 074,5
Деятельность в об- ласти культуры, спорта, организации досуга и раз- влечений, всего по РФ	610,8	372,6	521,4	383,5	366,9	419,8
Приморский край	–	–	–	–	–	128,3
<i>Всего по группе</i>	–	–	–	–	–	<i>128,3</i>
Не распределено по регионам	146,1	182,5	186,0	201,1	171,7	82,0
Предоставление про- чих видов услуг, всего по РФ	26 605,1	25 319,6	43 846,3	86,1	232,3	248,4
Амурская обл.	161,4	126,6	145,9	–	–	–
Забайкальский край	15,8	2,5	18,1	–	–	–
Иркутская обл.	6,1	6,9	11,0	–	–	–

ВЭД предприятия прямого инвестирования (прямого инвестора) / субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Магаданская обл.	0,0	–	5,3	–	–	–
Приморский край	0,6	1,7	–	–	–	–
Сахалинская обл.	523,8	513,0	791,3	–	–	–
Хабаровский край	–	–	5,3	–	–	–
Чукотский АО	–	–	4,3	–	–	–
<i>Всего по группе</i>	<i>707,7</i>	<i>650,7</i>	<i>981,1</i>	–	–	–
Не распределено по регионам	2 178,8	1 267,7	5 715,8	29,6	57,6	29,0

Примечания: 1) категория «не распределено по регионам» включает конфиденциальные данные; 2) отрицательные величины означают отток капитала.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе информации ЦБ РФ.

Инвестиции в строительство и операции с недвижимым имуществом могут в определенной степени свидетельствовать о международной кооперации в процессах, способствующих диверсификации экономики. Они отмечены практически во всех рассматриваемых регионах, однако и здесь мы видим незначительные объемы вложений. В 2018 г. ПИИ в операции с недвижимым имуществом составили чуть более 2% от общероссийских.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы и высказать ряд гипотез.

1. Более 62% ПИИ, поступивших в период с 2011 по 2018 г. в субъекты РФ Дальнего Востока и Байкальского региона, были направлены в Сахалинскую область, главным образом в нефтегазовый сектор. Приток ПИИ в расчете на душу населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе был не выше среднероссийского во всех субъектах

РФ, за исключением Сахалина. В большинстве других регионов большая часть ПИИ направлялась также в минерально-сырьевой сектор.

2. Расчеты показали, что корреляции между объемом ПИИ и скоростью экономического роста в регионах на Востоке России не наблюдается.

3. Особенности географии ПИИ, отмеченные для периода 2015–2017 гг. в работе [7], сохранились и в 2020 г. Основными «донорами» ПИИ остались офшорные компании, на которые в Сахалинской области пришлось более 98% накопленных инвестиций. Несмотря на репутацию КНР как стратегического партнера для России, инвестиционные потоки из Китая трудно определить как значительные и существенно влияющие на развитие восточных регионов нашей страны.

4. Трансграничная кооперация в форме ПИИ в рассматриваемый период не внесла существенного вклада в диверсификацию экономики восточных регионов. Доля ПИИ, направленных в обрабатывающую промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговлю, деятельность гостиниц и ресторанов, индустрию развлечений, с 2015 г. составляла, как правило, не более 1% от общероссийских в соответствующих отраслях. Поэтому вряд ли мы можем полагать, что к настоящему времени ПИИ, стимулы для которых должны были быть созданы новыми дальневосточными институтами, внесли существенный вклад в развитие современной высокотехнологичной экономики в восточных регионах, как предполагалось в программных документах. Даже в приграничных восточных регионах, которые призваны выступать «естественными локомотивами региональных интеграционных процессов» [10, с. 10], ПИИ в указанные сектора не играют заметной роли.

5. Можно констатировать, что Дальний Восток России, имея протяженную границу с быстрорастущими странами АТР, экспортируя со своей территории сырьевые товары, в целом еще не получил импульса для развития современной экономики, обеспечивающей достаточный уровень благосостояния граждан. Экономика Дальнего Востока на протяжении четверти века сокращалась в среднем на 1% в год [7]. К системным факторам, препятствующим диверсификации сырьевого экспорта макрорегиона, необходимо отнести монополизацию рынка, часто проявляющуюся в вытеснении регионального

бизнеса крупными федеральными собственниками, и эти тенденции сохраняются.

6. Вероятно, было бы преждевременным делать из этого вывод о бесполезности усилий по привлечению ПИИ в восточные регионы. Однако важно подчеркнуть, что даже очень масштабный поток инвестиций сам по себе не приводит автоматически и быстро к формированию устойчивой и процветающей экономики.

7. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г., относит все дальневосточные регионы к «приоритетным геостратегическим территориям» страны. В ней сформулирована задача содействовать «повышению конкурентоспособности региональных экономик с учетом перспективных экономических специализаций». Однако мы разделяем сомнения, высказанные в работе Н.В. Зубаревич [5], в осуществимости заявленных целей стратегии в существующих экономических условиях. В любом случае ясно, что «дальневосточная» институциональная трансформация не изменила «экстрактивного» характера [13] экономических (и политических) институтов. Экономические преференции для востока страны в некоторой степени способствуют привлечению инвестиций, однако преимущественно только в условиях поддержки из федерального бюджета и государственных гарантий. Мы полагаем, что на первый план выходит задача постепенной трансформации институтов в сторону повышения их «инклюзивности».

8. Вопрос об адекватных задачах развития институтов в ресурсных регионах России достаточно активно обсуждается в научной литературе [11; 20; 24–27; и др.] уже два десятка лет. Одним из центральных аспектов дискуссии является сомнение в необходимости дальнейшего усиления дальневосточных структур, в частности Минвостокразвития (многие считают их слишком дорогими и недостаточно эффективными), и разработки новых форм преференций в рамках ТОР. В качестве альтернативы рассматриваются укрепление базовых институтов на всей территории страны (в том числе проведение судебной реформы), общее снижение уровня налогов на труд и повышение ресурсных платежей при сохранении общей налоговой нейт-

ральности. В любом случае задача институционального проектирования [21] для восточных регионов требует, помимо политической воли, значительного участия научного сообщества [16]. Очень важно, чтобы усилия экспертов не оставались «консультационным фоном», а были реально включены в процедуры совершенствования институциональной среды.

В работе представлены результаты, полученные в рамках проекта XI.174.1.8 Программы фундаментальных научных исследований СО РАН и проекта 19-010-00485 Российского фонда фундаментальных исследований

Список источников

1. Антонова Н.Е. Экономический пояс Шелкового Пути: есть ли возможности для развития биоресурсного сектора Дальнего Востока? // ЭКО. – 2016. – № 7 (505). – С. 37–55.
2. Глазырина И.П., Гурова О.Н. «Жилищный вопрос» для геостратегических территорий на востоке России // ЭКО. – 2020. – № 8. – С. 125–140. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-125-140.
3. Глазырина И.П., Симонов Е.А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // ЭКО. – 2015. – № 7 (493). – С. 52–72.
4. Зотова М.В., Колосов В.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б., Карпенко М.С. Территориальные градиенты социально-экономического развития российского пограничья // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. – 2018. – № 5. – С. 7–21. DOI: 10.1134/S2587556618050163.
5. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
6. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 27–44.
7. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. – 2018. – № 1. – С. 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
8. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 61–77.
9. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. – 2014. – № 4. – С. 82–99.
10. Колосов В.А. Российское пограничье: сотрудничество и вызовы соседства // Российское пограничье: Социально-политические и инфраструктурные проблемы / Под ред. В.А. Колосова и А.Б. Володина. – М.: ИГ РАН, 2016. – С. 8–25.

11. *Крюков В.А.* Недалённый Восток // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 2–4.
12. *Минакир П.А.* Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.
13. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 2. – С. 146–155.
14. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Российский Дальний Восток: экономические фобии и политические амбиции // ЭКО. – 2017. – № 4. – С. 5–26.
15. *Натхов Т.В., Полищук Л.И.* Политэкономика институтов: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail”. Ч. 1: Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 2. – С. 12–38. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-1.
16. *Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Трансграничные взаимодействия на Востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 226–258. DOI: 10.15372/REG20200210.
17. *Питиляк Д.А., Егорова А.Д.* Анализ основных тенденций развития инвестиционных процессов в Сахалинской области // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. – № 8. – С. 88–101
18. *Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. – 2019. – № 2. – С. 110–149. DOI: 10.14530/se.2018.2.110-149.
19. *Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2017 г. // Пространственная экономика. – 2018. – № 2. – С. 92–133. DOI: 10.14530/se.2018.2.092-133.
20. *Ресурсные регионы России в «новой реальности»* / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 308 с.
21. *Тамбовцев В.Л.* Основы институционального проектирования. – М: Проспект, 2016. – 144 с.
22. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – N.Y.: Crown Business Publ., 2012. – 529 p.
23. *Antonova N.E., Lomakina N.V.* Institutional innovations for the development of the east of Russia: effects of implementation in the resource region // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 442–452.
24. *Challen R.* Institutions, Transaction Costs and Environmental Policy: Institutional Reform for Water Resource. – Aldershot, UK: Edward Elgar Publ., 2000. – 233 p.
25. *Крыков В.А., Токарев А.Н.* Contemporary features of innovative development of the Russian mineral resource complex // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 12, № 12. – С. 2193–2208. DOI: 10.17516/1997-1370-0518.

26. *Marshall G.R.* Transaction costs, collective action and adaptation in managing socio-economic system // *Ecological Economics*. – 2013. – Vol. 88. – P. 185–194. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2012.12.030.

27. *Ostrom E.* A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems // *Science*. – 2009. – Vol. 325, Iss. 5939. – P. 419–422. DOI: 10.1126/science.1172133.

Информация об авторах

Глазырина Ирина Петровна (Россия, Чита) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032); профессор, заведующая кафедрой прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета; e-mail: iglazyrina@bk.ru.

Фалейчик Лариса Михайловна (Россия, Чита) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, а/я 1032); e-mail: lfaleychik@bk.ru.

Фалейчик Андрей Анатольевич (Россия, Чита) – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александрово-Заводская, 30); e-mail: faa55@bk.ru.

DOI: 10.15372/REG20200409

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 202–234

I.P. Glazyrina, L.M. Faleychik, A.A. Faleychik

INVESTMENT AND CROSS-BORDER COOPERATION IN THE EAST OF RUSSIA

This article may be viewed as another chapter in an ongoing discussion among researchers about the role of the Far Eastern institutional transformation after 2013 in Eastern Russia's development against the background

of cross-border economic relationships. We consider the dynamics of foreign direct investment (FDI), including that for the major industries.

Our calculations show no correlation between FDI volumes and economic growth rates in the eastern regions of Russia. During the period under review, FDI-based cross-border cooperation had little effect on economic diversification in the eastern regions. In most, the majority of investment was allocated to the mineral resources sector. Since 2015, the FDI share in manufacturing, agriculture, construction, trade, hotels and restaurants, and the entertainment industry has generally been no more than 1% of the national total in the relevant sectors.

There is no reason to believe that by now, FDI, stimulated by the creation of new institutions in the Far East, has contributed significantly to a modern high-tech economy in Eastern Russia. The “Far Eastern” institutional transformation has not changed the “extractive” nature of economic (and political) institutions. Economic preferences for the Russian East help attract investment, to some extent, but mainly if supported by the federal budget and state guarantees. We believe that the gradual transformation of institutions toward their “inclusiveness” is becoming a primary task. Institutional design in the eastern regions requires, besides political will, active involvement of the scientific community.

Keywords: institutional transformation; cross-border cooperation; foreign direct investment; economic diversification

For citation: *Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik & A.A. Faleychik. (2020). Investitsii i transgranichnaya kooperatsiya na Vostoke Rossii [Investment and cross-border cooperation in the East of Russia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 202–234. DOI: 10.15372/REG20200409.*

The publication presents findings obtained within the project XI.174.1.8 of the Program for Basic Research of the Siberian Branch of the RAS and project No. 19-010-00485 of the Russian Foundation for Basic Research

References

1. Antonova, N.E. (2016). Ekonomicheskiy poiyas Shelkovogo Puti: est li vozmozhnosti dlya razvitiya bioresursnogo sektora Dalnego Vostoka? [Economic belt of the Silk Way: Whether there are opportunities for development of bioresource sector of the Far East?]. EKO [ECO], 7 (505), 37–55.

2. *Glazyrina, I.P. & O.N. Gurova.* (2020). “Zhilishchnyy vopros” dlya geostrategicheskikh territoriy na vostoke Rossii [“Housing problem” for geostrategic territories in the east of Russia]. *EKO [ECO]*, 8, 125–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-125-140.
3. *Glazyrina, I.P. & E.A. Simonov.* (2015). “Ekologicheskaya tsivilizatsiya” Kitaya: novye vyzovy ili novye perspektivy dlya Rossii? [“Chinese environmental civilization”: the new challenges or the new opportunities for Russia?]. *EKO [ECO]*, 7 (493), 52–72.
4. *Zotova, M.V., V.A. Kolosov, A.A. Gritsenko, A.B. Sebentsov & M.S. Karpenko.* (2018). Territorialnye gradienty sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya rossiyskogo pogranichya [Territorial gradients in the socioeconomic development of the Russian border regions]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. geograficheskaya [Herald of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography]*, 5, 7–21. DOI: 10.1134/S2587556618050163.
5. *Zubarevich, N.V.* (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and instruments]. *Voprosy ekonomiki [Problems of Economics]*, 1, 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
6. *Izotov, D.A.* (2017). Dalniy Vostok: novatsii v gosudarstvennoy politike [The current government decisions for economic development of the Russian Far East: a critical view]. *EKO [ECO]*, 4, 27–44.
7. *Izotov, D.A.* (2018). Investitsionnoe sotrudnichestvo Dalnego Vostoka Rossii s subglobalnymi ekonomicheskimi strukturami v usloviyakh retsessii natsionalnoy ekonomiki [Russian Far East’ investment cooperation with sub-global economic structures under the conditions of the national economy’s recession]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 1, 138–153. DOI: 10.14530/se.2018.1.138-153.
8. *Isaev, A.G.* (2017). Territorii operezhayushchego razvitiya: novyy instrument regionalnoy ekonomicheskoy politiki [The territories of accelerated development: new instrument of regional economic policy]. *EKO [ECO]*, 4, 61–77.
9. *Kolomak, E.A.* (2014). Prostranstvennaya kontsentratsiya ekonomicheskoy aktivnosti v Rossii [Spatial concentration of economic activity in Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 82–99.
10. *Kolosov, V.A.* (2016). Rossiyskoe pogranichye: sotrudnichestvo i vyzovy sosedstva [Russian borderland: challenges of neighbourhood]. In: V.A. Kolosov & A.B. Volodin (Eds.). *Rossiyskoe pogranichye: Sotsialno-politicheskie i infrastrukturnye problemy [Russian Borderland: Sociopolitical and Infrastructure Problems]*. Moscow, Institute of Geography, RAS Publ., 8–25.
11. *Kryukov, V.A.* (2017). Nedalniy Vostok [The Non-Far East]. *EKO [ECO]*, 4, 2–4.
12. *Minakir, P.A.* (2019). Dalnevostochnye institutsionalnye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Far Eastern institutional novations: imitation of a new stage]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, Vol. 15, No. 1, 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.
13. *Minakir, P.A. & O.M. Prokapalo.* (2018). Dalnevostochnyy prioritet: investitsionno-institutsionalnye kombinatsii [Far East-priority: combinations of investment and institutes]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2, 146–155.

14. *Minakir, P.A. & O.M. Prokapalo.* (2017). Rossiyskiy Dalniy Vostok: ekonomicheskie fobii i politicheskie ambitsii [Russian Far East: economic phobias and geopolitical ambitions]. EKO [ECO], 4, 5–26.

15. *Natkhov, T.V. & L.I. Polishchuk.* (2017). Politekonomiya institutov: kak vazhno byt inkluzivnym. Razmyshleniya nad knigoy D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail”. Ch. 1: Instituty i ekonomicheskoe razvitiye. Institutsionalnyy vybor [Political economy of institutions and development: the importance of being inclusive. Reflection on “Why Nations Fail” by D. Acemoglu and J. Robinson. Part I: Institutions and economic development. Institutional choice]. Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 2, 12–38. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-1.

16. *Parmon, V.N., V.A. Kryukov & V.E. Seliverstov.* (2020). Transgranichnyye vzaimodeystviya na Vostoke Rossii: nauchnoye soprovozhdeniye i zadachi Sibirskogo Otdeleniya RAN [Cross-border interactions in the Russian East: research support and tasks before the Siberian Branch of the RAS]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economic and Sociology], 2 (106), 226–258. DOI: 10.15372/REG20200210.

17. *Pitilyak, D.A. & A.D. Egorova.* (2018). Analiz osnovnykh tendentsiy razvitiya investitsionnykh protsessov v Sakhalinskoy oblasti [Analysis of major trends in investment processes development of in the sakhalin region]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economy and Business: Theory and Practice], 8, 88–101.

18. *Prokapalo, O.M., A.B. Bardal, A.G. Isaev, M.G. Mazitova & D.V. Suslov.* (2019). Ekonomicheskaya konyunktura v Dalnevostochnom federalnom okruge v 2018 g. [Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2018]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 2, 110–149. DOI: 10.14530/se.2018.2.110-149.

19. *Prokapalo, O.M., A.G. Isaev, M.G. Mazitova & D.V. Suslov.* (2018). Ekonomicheskaya konyunktura v Dalnevostochnom federalnom okruge v 2017 g. [Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2017]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 2, 92–133. DOI: 10.14530/se.2018.2.092-133.

20. *Kuleshov, V.V.* (Ed.). (2017). Resursnye regiony Rossii v “novoy realnosti” [Resource Regions of Russia in the “New Reality”]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 308.

21. *Tambovtsev, V.L.* (2006). Osnovy institutsionalnogo proektirovaniya [Foundations of Institutional Design]. Moscow, Prospekt Publ., 144.

22. *Acemoglu, D. & J. Robinson.* (2012). Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York, Crown Business Publ., 529.

23. *Antonova, N.E. & N.V. Lomakina.* (2020). Institutional innovations for the development of the east of Russia: effects of implementation in the resource region. Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], Vol. 13, No. 4, 442–452.

24. *Challen, R.* (2000). Institutions, Transaction Costs and Environmental Policy: Institutional Reform for Water Resource. Aldershot, UK, Edward Elgar Publ., 233.

25. *Kryukov, V.A. & A.N. Tokarev.* (2019). Contemporary features of innovative development of the russian mineral resource complex. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences]*, Vol. 12, No. 12, 2193–2208. DOI: 10.17516/1997-1370-0518.

26. *Marshall, G.R.* (2013). Transaction costs, collective action and adaptation in managing socio-economic system. *Ecological Economics*, 88, 185–194. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2012.12.030.

27. *Ostrom, E.* (2009). A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems. *Science*, Vol. 325, Iss. 5939, 419–422. DOI: 10.1126/science.1172133.

Information about the authors

Glazyrina, Irina Petrovna (Chita, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov st., Chita, 672014, Russia); Professor, Head of the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia); e-mail: iglazyrina@bk.ru.

Faleychik, Larisa Mikhaylovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory for Eco-Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov st., Chita, 672014, Russia); e-mail: lfaleychik@bk.ru.

Faleychik, Andrey Anatolievich (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Associate Professor at the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia); e-mail: faa55@bk.ru.

Поступила в редколлегию 02.09.2020.

После доработки 02.09.2020.

Принята к публикации 03.09.2020.